

«ОТЕЦ русского театра» — так назвал Федора Волкова В. Г. Белинский. «Волков — лицо историческое, человек великий», — утверждал он. «Сей муж, — писал первый биограф артиста Н. И. Новиков, — был великого, обильного и проницательного разума, основательного и здравого рассуждения, и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг. Театральное искусство знал он в высшей степени». Д. И. Фонвизин, вспоминая о своем знакомстве с Волковым, называет его «мужем глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным». Г. Р. Державин считал артиста человеком «знаменитым по уму своему». А. П. Сумароков откликнулся на смерть своего друга и соратника элегией, в которой пророчески возвещал, что Волкова «потомство не забудет».

В чем же подлинная историческая заслуга Федора Волкова перед русским театром и шире — перед русской культурой? В каком именно смысле он получил право называться «отцом русского театра»?

Волков, конечно же, начинал строить здание национального русского театра не на пустом месте. Он завершил своей деятельностью целый период (вернее, несколько периодов) становления русского театра и положил начало принципиально новому рубену в его истории. То обстоятельство, что он сделал это не в одиночку, нисколько не умаляет его заслуги: театр, как известно, искусство коллективное. Да, он может быть назван «отцом» русского театра, но надо забывать только, что у русского театра были еще и «деды», и даже «прадеды».

Прежде чем стать театральным деятелем и для того, чтобы стать им, Волкову предстояло сначала стать театральным зрителем.

Еще в Ярославле, куда он переехал с отцом, заводчиком Полушкиным, из Костромы в семилетнем возрасте, Волков мог видеть скоморошьи представления, а в Москве, где он учился примерно восемь лет, он мог бывать на спектаклях славяно-греко-латинской академии и хирургической школы, а также познакомиться с искусством гастролировавших в те годы на московской сцене итальянских оперных и балетных артистов. Н. И. Новиков сообщает в своей биографии Волкова, что «в 1746 году отправлен он был вочинным своим в Санкт-Петербург для некоторых дел по его промыслу» и что во время своего пребывания в столице «более всего прилепился он к театру, и по случаю знакомства, несколько раз видя представление Итальянской оперы, почувствовал желание сделать и у себя в Ярославле театр, дабы представлять на нем самому русския театральныя сочинения».

Особенно важно подчеркнуть, что одновременно с Волковым, чуть раньше или

чуть позже его, театром начинают увлекаться в городских демократических кругах весьма многие. Одна за другой начинают возникать полулюбительские труппы «охочих комедиантов», которые, впрочем, так же быстро распадаются, как и создаются.

Известный историк И. Е. Забелин, первым опубликовавший сведения о возникновении московских театров «охочих комедиантов», писал в статье «Из хроники общественной жизни Москвы в XVIII столетии»: «Общественная потребность в театральных зрелищах, водворенная в Москве еще Петром Великим, несмотря на тяжелые и беспокойные вре-

приходится часто перемешать словами «известно» или «возможно».

Известно, скажем, что с 1741 по 1748 годы Волков «находился в Москве в науках». Но неизвестно, в каком именно учебном заведении и чему именно он обучался. Возможно, что своими познаниями и умениями он обязан не столько образованию, сколько самообразованию. Во всяком случае ко времени поступления в кадетский корпус в 1754 году Волков, как следует из ведомостей успеваемости, прилично знает немецкий язык («окончал грамматику и имеет в первоначальных переводах нарочитое знание»), на уроках французского

ре». Зная, что Волков был первым актером петербургской труппы на ампула трагического героя, вполне можно предположить, что он играл и в других трагедиях Сумарокова, но документальных подтверждений этого мы не найдем. По свидетельству Я. Штелина, Волков «с равной силой» играл и в трагедии, и в комедии, но нам неизвестна ни одна его комедийная роль.

В той же самой статье «Петровский театр», в которой Волков назван «отцом русского театра», Белинский пишет, что Сумарокова «по справедливости называют отцом российского театра». Противоречие? Никакого. Обоим воздано по заслугам.

только актером, но театральным деятелем в самом широком смысле этого слова. Он был организатором театрального дела, антрепренером, режиссером, педагогом. В историю массовых театризованных представлений навсегда вошел грандиозный маскарад «Торжествующая Минерва», поставленный им по случаю коронации в Москве Екатерины II (кстати, он принимал самое деятельное участие в возведении ее на престол, за что и был пожалован дворянским званием).

Современники вспоминают о нем, как о человеке многогранных дарований: он пишет стихи, рисует, лепит, музицирует, поет. «Это был, — по словам Белинского, — в полном смысле русский человек — бойкий, твердый, сметливый, перемчивый». Поставив имя Волкова рядом с именами Ломоносова и Новикова, критик писал, что нельзя «не видеть в этих явлениях живейшего доказательства самородного богатства русского духа и русской жизни».

Правда, Белинский замечает: «Желательно бы иметь верные факты для суждения о сценическом таланте Волкова». Увы, Волков умер раньше, чем в России возникла театральная критика, рецензии тогда еще не писались, современники были весьма скупы в своих отзывах, а рукопись его соратника Дмитриевского, в которой наверняка было немало сказано о Волкове, пропала. Можно сказать, что слава Волкова-актера в значительной степени легендарна, но это как раз тот случай, когда легенда и есть самый неоспоримый исторический факт.

Волков умер 4 апреля 1763 года, а менее чем через десять лет в «Опыте исторического словаря о русских писателях», вышедшем в 1772 году, Н. И. Новиков напишет, что современники «увидели в нем великого актера» и что «слава его подтверждена была и иностранцами», что «он упражнялся в сей должности до конца своей жизни с превеликою о себе похвалою». И это неопровержимо.

Не случайно ведь, что до Волкова ни за кем не упрочилась слава не только великого, но хотя бы просто выдающегося актера. В этом смысле Волков и может быть назван первым русским актером не потому, что до него в России не было актеров, — были. Но именно он первым из актеров вошел в национальное сознание как самопопеченное общественное и художественное явление. только после него, вслед ему выстраивается на протяжении двух столетий длинный ряд блистательных имен русского актерства.

Именно Волков положил начало славным традициям русского актерского творчества, таким, как гражданственность, демократизм, широкий кругозор, высокий профессионализм, сочетание интеллектуальности и темперамента.

Прекрасно сказал о значении Федора Волкова для русского театра великий Щепкин: «Волкову мы всем обязаны».

Е. ХОЛДОВ,

доктор искусствоведения.

К 250-летию со дня рождения Ф. Г. Волкова

САМОРОДОК РУССКОЙ СЦЕНЫ

мена, наставшие после его кончины, возрастала год от году сама собой и распространялась главным образом в кругу так называемых разночинцев, составлявших в то время интеллигенцию Москвы, не дворянскую, но посадскую, слободскую или в собственном смысле городскую... Разночинная интеллигенция посадской Москвы была в первой половине XVIII ст. единственным хранителем, представителем и производителем театрального, если не искусства, то ремесла, которое недалеко находилось и от искусства, распространяя о нем первые понятия, развивая в своей публике вкус, охоту, потребность в увеселениях этого рода».

Мы не знаем, какие именно из этих представлений видел Федор Волков: не исключается, кстати, что он и сам, возможно, принимал участие в одном или даже в нескольких из них в качестве актера-любителя. Несомненно одно: основание Волковым театра в Ярославле было не личной прихотью, не делом случая, а выражением назревшей общественной потребности. Несомненно также, что сам Волков принадлежал к числу лучших представителей тогдашней русской разночинной интеллигенции, которая была призвана на эту потребность ответить.

Мы не знаем... Эти слова приходится то и дело повторять каждому пишущему о Волкове. Установление действительных его заслуг перед русским театром во всем их объеме затруднено скудостью и подчас недостоверностью сохранившихся о нем сведений. Еще Белинский сетовал, что «у нас нет даже полной его биографии, потому что негде взять фактов о подробностях его жизни». С тех пор стараниями нескольких поколений ученых кое-какие подробности удалось установить, а кое-какие домыслы опровергнуть. И все же, когда пишешь о Волкове, слово «известно»

языка «понятен, прилежен и впредь небезнадежен», «рисует и малует тушью позитур и ландшафты нарочито хорошо», «зачинает делать миновательные пав хорошо», «играет на клавикордах минуты и польские».

Известно далее, что 5 января 1752 года императрица Елизавета Петровна «всемилоостивейше указать соизволила ярославских купцов Федора Григория сына Волкова, он же и Полушкин, з братьями Гаврилом и Григорьем (которые в Ярославле содержат театр и играют комедии) и кто им для того еще потребны будут, привезти в Санкт-Петербург». Но неизвестно, когда именно начал давать представления театр, основанный Волковым в Ярославле (предположительно — в конце 1750 года). За одним-единственным исключением (пьеса Дмитрия Ростовского «Каящийся грешник»), мы вообще не можем с полной уверенностью говорить о репертуаре ярославцев.

Известно также, что ярославцев, прежде чем они прибыли в Петербург, велено было отправить в Царское Село и там ждать прибытия императрицы. Согласно камер-фурьерскому журналу, Елизавета Петровна посетила Царское Село 21 и 24 января 1752 года. Вероятно, в эти дни ярославцы показали ей два своих спектакля. Какие именно? Неизвестно. Столь же гадательно, какими пьесами дебютировали ярославцы в Петербурге 6 и 9 февраля на сцене частного немецкого театра на Большой Морской улице. Зато известно, что 18 марта на придворной сцене ими была исполнена уже упоминавшаяся пьеса «Каящийся грешник».

Достоверно установлено, наконец, что Федор Волков сыграл в пьесах Сумарокова три роли — Марса в «Новых лавах», Американца, вождя порабоженного завоевателями племени индейцев в «Приближице добродетели», и Осольда в «Семи-

Ни Волкову без Сумарокова, ни Сумарокову без Волкова и его сотоварищей-ярославцев не удалось бы свершить то, что они свершили совокупными усилиями: заложить основание национального профессионального постоянного театра. Чтобы это стало возможным, драматург должен был встретить своего актера, актер — своего драматурга. Встреча эта была поистине исторической для судеб отечественного театра.

Тут встретились, однако, не просто актер и драматург, тут встретились два культурных потока. «При самом основании русского театра, — проницательно замечает Ф. А. Конн, — в направлении его заключаются две стихии: дворцовая, представителем которой является А. П. Сумароков с его классическими трагедиями на французский манер, и народная, которую проводят люди, вышедшие из народа — Волков и Дмитриевский». Следует уточнить при этом, что Сумароков представлял не «дворцовую» стихию, а раннее русское дворянское просветительство. Надо также принять во внимание соотношение, высказанное крупнейшим знатоком старинной русской драматической литературы Н. С. Тихонравовым, о том, что Волкову «суждено было иметь на Сумарокова влияние, mobility столь же решительное, как трагедия Расина... Силою таланта, глубиной художественных стремлений, самую неспорностью среды, в которой жил и действовал Волков, он стоял далеко выше Сумарокова». Сумароков представлял дворянскую интеллигенцию, Волков — демократическую. При всех расхождениях между ними в реальных исторических условиях того времени только объединение усилий передовой русской интеллигенции могло обозначить принципиально новый рубеж в становлении национального театра.

Федор Волков был не